
М. И. АРТАМОНОВ
СКИФСКОЕ ЦАРСТВО

В середине 40-х годов, издавая одну из глав своей диссертации о скифах, посвященную социальному строю этого народа, я несколько не сомневался в том, что характеристика его как военной демократии полностью соответствует действительности¹. С тех пор прошло много лет, я глубже ознакомился с историей скифов и обнаружил в ней такие явления, которые не укладываются в прежние чрезмерно обобщенные представления, а требуют уточнений и дальнейшего развития.

На вопрос о социально-экономическом строе скифов нельзя ответить, не углубившись в историю этого народа. Как известно из греческих и ассирийских источников², скифы почти столетие прожили в Передней Азии, по соседству и в тесных контактах с наиболее развитыми государствами того времени. Появившись в 70-х годах VII в. до н. э. в районе оз. Урмия, они немедленно включились в борьбу между мидянами и маннеями, с одной стороны, и ассирийцами — с другой. Вскоре, соблазненные подарками и обещаниями, они переметнулись на сторону Ассирии и по ее поручению воевали со своими предшественниками в Северном Причерноморье — киммерийцами, поселившимися в Малой Азии. В дальнейшем скифы выступают в созданной Вавилоном коалиции против Ассирии, активно участвуют в разгроме столицы Ассирийского царства Ниневии и в покорении принадлежавших ему владений, а также в отражении вмешавшегося в войну за ассирийское наследство Египта. Владения Ассирии были поделены между победителями, и скифам досталась северная часть Ассирийского царства вместе с завоеванным при их участии Ванским царством (Урарту)³. К годам владычества скифов над значительной частью Передней Азии и относятся те 28 лет, о которых Геродот говорит как о времени, когда скифы взымали с каждого народа наложенную ими дань и, кроме того, совершали набеги и грабежи (I, 106)⁴.

В 594 г. мидяне, не удовлетворенные долей доставшегося им ассирийского наследства, изменнически перебили скифских вождей и приступили к захвату скифских владений (I, 106)⁵. Ко времени войны мидян со скифами относится гибель урартской крепости Тейшебаини — Кармир-Блур возле Еревана, в которой ко времени взятия ее мидянами находился

¹ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛГУ, 1947, 9, стр. 70 сл.

² М. Г. Редер. Восточные тексты о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 1, стр. 264 сл.; И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, 2, стр. 339 сл.

³ В. А. Белявский. Война Вавилона за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии. Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, стр. 93 сл.

⁴ Здесь и дальше в круглых скобках указана книга и глава в «Истории» Геродота.

⁵ В. А. Белявский. Ук. соч., стр. 124 сл.

скифский гарнизон⁶. В борьбу между мидянами и скифами вмешалось на стороне скифов самое могущественное в Малой Азии того времени Лидийское царство. Царь его Алиат, подчинив Фригию, поспешил захватить Каппадокию, где по р. Галис (Кызыл-Ирмак) обосновались киммерийцы (IV, 12) и куда отступали теснимые мидянами скифы. Страна эта, по ассирийским источникам, называлась по имени киммерийцев Гимири, а у армян долго была известна как Гамирк⁷. По-видимому, после разгрома Ассирии она, как и Ванское царство, подчинялась скифам и поэтому на нее, как и на все другие владения последних, претендовала Мидия. По Геродоту, Алиат встал на защиту бежавших в его страну скифов (I, 73, 74), но в действительности он был озабочен судьбой не скифов, а захваченной им части принадлежавшей скифам территории.

Война с участием Лидии продолжалась с переменным успехом более пяти лет. Мир был заключен в 585 г., что точно известно благодаря солнечному затмению (28 мая этого года), остановившему сражение, после чего и начались мирные переговоры (I, 74). По мирному договору скифские владения отошли к Мидии, западная граница которой, таким образом, отодвинулась до р. Галиса (I, 72). В результате скифам не осталось места в стране, и они вынуждены были уйти из нее туда, откуда явились, т. е. в Северное Причерноморье. По-видимому, вместе с ними должны были уйти из Азии и киммерийцы, изгнанные, по словам Геродота, лидийским царем Алиатом (I, 16). Куда они ушли — это особый вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Здесь же мы ограничимся констатацией того факта, что потерпевшие сокрушительное поражение скифы вернулись в Северное Причерноморье около 585 г. в виде беглецов, и, надо полагать, в небольшом числе. 28 лет, которыми Геродот определяет время их господства в Азии, точно соответствуют промежутку времени от падения Ниневии в 612 г. до года их изгнания из Азии.

Паразитическое существование за счет грабежей, разбоев и угнетения местного населения в подчиненных областях Азии не могло пройти бесследно для внутреннего строя скифов. Непосредственное производство средств существования отошло на задний план, их бытовой уклад и социальные отношения формировались под знаком военных целей. Централизация и дисциплина стали наиболее характерными чертами устройства скифского общества. С этими чертами они явились в Северное Причерноморье и там стремились продолжать уже ставший привычным образ жизни, сложившийся в Передней Азии.

Вернувшиеся из Азии скифы составили ту группу населения Северного Причерноморья, которая, по данным Геродота, называлась скифами царскими (IV, 20). Позже в ольвийском декрете в честь Протогена она именуется «саи»⁸, что по-ирански соответствует греческому названию «царские». Отсюда следует, что свое имя эти скифы получили не от греков, а именовались царскими по характерной для них особенности, заключающейся в наличии у них сильной царской власти, какой не было у других групп скифского населения Северного Причерноморья. Со слов Геродота известно, что скифский царь не только предводительствовал на войне, он же распределял военную добычу (IV, 64) и творил суд и праву над своими подданными. Ложная клятва божествами царского очага, т. е. царскими предками, считалась тяжким преступлением, заслуживающим мучительной казни (IV, 68, 69). Это значит, что особа царя считалась священной и от исходящей от нее благодати зависело благополучие возглавляемого им общества. Иначе незачем было бы ложной клятвой объяснять болезнь царя. Власть скифского царя была настолько

⁶ Б. Б. П и о т р о в с к и й. [Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 240 сл.] ошибается, полагая, что окончательно разрушили Тейшебаини скифы. На самом деле скифы захватили крепость, а затем у них ее отняли мидяне.

⁷ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Ук. соч., стр. 239.

⁸ IOSPE, I, Petropoli, 1916, 32, стр. 43 сл.

велика, что служить ему должен был каждый скиф, кому он назначит (IV, 72), а в загробную жизнь царя сопровождали вместе с конями и дорогим имуществом наложница и многочисленные слуги, умерщвленные для этой цели (IV, 71, 72). В свете этих данных вырисовывается образ царя, весьма далекий от племенного вождя и больше напоминающий восточного владыку, наделенного неограниченной властью земного божества. Такие черты восточного монарха скифские цари могли приобрести за время пребывания скифов в Азии, в окружении древневосточных государств и в тесном общении с ними. С этими чертами они вернулись в Северное Причерноморье.

Царская власть у скифов была наследственной привилегией определенного рода или семьи, в пределах которой она переходила от отца к сыну или другому ближайшему родственнику. Новый царь подобно восточным владыкам утверждался в своем положении согласием народа или его представителей в лице родовых или племенных старейшин, тоже наследственных, но его прерогативы оставались неизменными. Во времена Геродота скифы хорошо знали генеалогию своих царей, начиная с Иданфирса, возглавившего борьбу с персидским царем Дарием в 514 г. до н. э. Происхождение его, в свою очередь, восходило к Спаргапифу (IV, 76), при котором, надо полагать, скифы вернулись из Азии.

Господствующее положение скифы царские, в каком их застал Геродот (IV, 20), заняли в Северном Причерноморье не тотчас со времени своего там появления. Вернувшись из Азии скифам пришлось выдержать трудную борьбу за место на родине своих прадедов с потомками тех скифов, которые не участвовали в нашествии на Азию, а оставались на старом месте. Это были те, которых Геродот в отличие от скифов царских называет просто кочевниками-номадами (IV, 19), а приведенная им легенда — детьми оставшихся на родине скифских женщин, прижитых с рабами (IV, 1). Скифам царским, по этой легенде, удалось покорить детей рабов только после того, как они вышли против них не с оружием, а с бичами (IV, 3). Унаследованная от отцов рабская психология будто бы заставила их покориться бичу, как знаку господства и рабского подчинения. В этой легенде нашла себе выражение рабовладельческая идеология той среды, в которой она сложилась. Но в легенде содержатся и вполне реалистические и достоверные указания на отношения между вернувшимися скифами и исконным населением страны. Пришельцам пришлось завоевывать свое положение на старой родине. Особенно долго сопротивлялись кочевые скифы в Крыму (IV, 3). Там они остались и после того, как скифы царские утвердились в степи Нижнего Поднепровья, не включенными в состав этих скифов, но попавшими в более или менее зависимое от них положение (IV, 19, 54).

Созданная греками легенда о походе персидского царя Дария на скифов в 514 г. до н. э. (IV, 118—142) не соответствует действительности и представляет интерес главным образом в части описания окружавших Скифию народов, причем лишь немногим дополняющего сведения о них, сообщенные Геродотом в общей характеристике страны. По легенде, скифы выставили против персов три войска под предводительством Иданфирса, Скапасиса и Токсакоса (IV, 120). Общее руководство принадлежало Иданфирсу, очевидно главе скифов царских, поскольку его имя значится в генеалогии скифских царей. Два из этих войсковых соединений состояли из скифов царских и, по-видимому, представляли одно правобережных, а другое левобережных кочевников. Третье войско, вероятно, было образовано из подчиненных скифам царским скифов-номадов. Савроматы, гелоны и будины упоминаются в качестве союзников.

Таким образом, по приведенным Геродотом данным нельзя заключить, что в конце VI в. до н. э. скифы царские господствовали над всей Скифией и держали в подчинении все население этой страны. Еще меньше такое заключение возможно в отношении окружавших Скифию не-

скифских народов. У Геродота они значатся независимыми от скифов царских самостоятельными образованиями. Не свидетельствуют о господствующем положении скифов царских и археологические памятники. Наоборот, в это время погребения скифов царских не выделяются ни богатством погребенного с покойником инвентаря, ни сложностью и величиной погребальных сооружений. И в том и в другом они в это время уступают погребениям родо-племенной знати оседло-земледельческого населения лесостепной Скифии. Попытка В. А. Ильинской усмотреть могилы царей скифов царских не в степи, а в лесостепной полосе по берегам р. Сулы не выдерживает критики⁹ как противоречащая и свидетельству Геродота о местонахождении царского кладбища в стране Герра, так и его же указаниям о местожительстве скифов царских в степной, а не в лесостепной части Северного Причерноморья и о кочевом, а не оседлом образе жизни этих скифов¹⁰.

Что касается марша Дария вокруг всей Скифии, то легенда о нем сочинена людьми, не имевшими никакого представления о расстояниях, какие пришлось бы покрыть для этого персидскому войску. Дарий не дошел даже до Ольвии, хотя не мстить за бесчинства в Передней Азии почти столетней давности, а подчинение греческих колоний было, вероятно, главной целью его похода. По достоверным сведениям Страбона (VII, 5, 14), уже в Гетской пустыне (Буджакской степи) он убедился в нереальности своего предприятия и повернул обратно. Скифам же досталась слава непобедимости, каковой, по справедливому замечанию Геродота, они обязаны своему кочевому образу жизни (IV, 46).

Описывая население оседло-земледельческой части Скифии, Геродот называет его скифами-пахарями, особо отмечая, что они сеяли хлеб на продажу (IV, 17). Это указание заслуживает специального внимания, тем более что других более определенных данных о нем у Геродота не содержится. Полностью оценить это указание можно только при учете того обстоятельства, что греческие колонии Северного Причерноморья были прежде всего заинтересованы в скифском хлебе. Главную роль в хлебной торговле с земледельческим населением Скифии играла Ольвия, из Ольвии же шли сведения о скифской стране, которыми и пользовался Геродот. Тем более поэтому странно, что в его сочинении земледельцам Скифии уделено очень мало внимания и что все оно направлено на кочевое население страны, в первую очередь на скифов царских. Из этого можно заключить, что, хотя сами кочевники не представляли для ольвийских греков большого экономического значения, их роль в хлебной торговле все же была существенной. Это была политическая роль. Земледельческие области Скифии были отделены от Ольвии просторами степей, находившихся во владении кочевников, и эти последние имели полную возможность контролировать торговлю Ольвии с земледельцами, а следовательно, и извлекать таким путем доходы в свою пользу.

Наиболее ранние свидетельства экономических связей даже не ольвийских, а еще березанских греков со скифами находятся в замечательном Немировском городище в бассейне среднего течения Южного Буга¹¹, где обнаружены довольно многочисленные фрагменты греко-ионийской расписной керамики, относимой к концу VII — первой половине VI в. до н. э.¹² Такая же керамика найдена в скифских поселениях Среднего Поднепровья, из чего следует, что греки проникали туда еще до возвращения скифов царских из Азии. Да и позже, в течение всего

⁹ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 178 сл.

¹⁰ М. И. Артамонов. Загадки скифской археологии. УИЖ, 1970, 1, стр. 23 сл.

¹¹ М. И. Артамонов. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. КСИА УССР, 1955, 4, стр. 85 сл.

¹² Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. САИ, Д1-27, М., 1966.

VI в. до н. э., предметы греческого импорта в значительно большем числе находятся не в степях у кочевников, а в поселениях и могильниках лесостепного оседло-земледельческого населения Среднего Поднепровья. Из этого следует, что греки успели установить торговые связи с земледельческим населением Скифии значительно раньше, чем в это дело вмешались кочевые скифы царские.

Обращает на себя внимание и другое примечательное обстоятельство. В то время как в лесостепи возникают многочисленные богатые курганы с импортными греческими вещами, в степи у кочевников обычны могилы со скромным погребальным инвентарем, впущенные в более древние курганные насыпи. Известны всего два ранних богатых кочевнических погребения, но и они с вещами, еще принесенными скифами из Азии. Это Литой курган (Мельгуновский клад)¹³ и погребение у сл. Криворожье на р. Калитве¹⁴. Специальные курганы с богатыми погребениями появляются в степи позже, чем в лесостепи. Все эти факты должны быть приняты во внимание, и осмысление их невозможно без учета, с одной стороны, все расширяющихся сношений колоний со скифским миром, а с другой — различной роли в этих сношениях разных частей скифского населения, и притом в разное время неодинаковой.

Главными торговыми магистралями, соединявшими Ольвию с земледельческой Скифией, были Южный Буг и его левые притоки Ингул и Синюха. Не меньшее значение имела и р. Ингулец, впадающая в низовье Днестра поблизости от Ольвии. Это была, по Геродоту, пятая доступная с моря река Скифии Пантикап (IV, 47, 54). Реки эти вели в наиболее плодородные области земледельческой Скифии — в Подолию и лесостепное Поднепровье. Путь в Среднее Поднепровье был по ним много короче, чем по заходящему далеко на восток Днестру, к тому же перерезанному труднопроходимыми порогами.

При сопоставлении подольских и среднеднепровских курганов скифского времени обращает на себя внимание их различие. Подольские сооружались из камней¹⁵, а среднеднепровские из земли; в первых из них трупосожжения встречаются чаще, чем во вторых. Основное же различие состоит в количестве и ценности находимого в погребениях инвентаря. В подольских курганах почти не встречается богатых погребений с импортными греческими вещами, тогда как в среднем Поднепровье их много, и притом, как уже отмечалось, начиная с VI в. до н. э.¹⁶ Это различие не может быть случайным. Оно свидетельствует, что, хотя торговля греков с Подолией и началась раньше, чем с Поднепровьем, греческий импорт в первую из этих областей не шел ни в какое сравнение со ввозом в Среднее Поднепровье. Проще всего это было бы объяснить тем, что выгоды от торгового обмена с греками не попадали в руки подольской аристократии, а перехватывались господствовавшими над ней скифами кочевниками. Однако это не так. Скифское население в Подолии рано исчезает. Находки на поселениях и в погребениях показывают, что еще в начале V в. до н. э., во всяком случае до середины этого века, заселенная скифами страна запустела. Несмотря на грандиозные оборонительные сооружения, самым замечательным из которых является Немировское городище, население Подолии не выдержало непрерывных ударов со стороны кочевых соседей и, не желая подчиниться им, ушло в другую страну, скорее всего за Карпаты к родственным народам, занимав-

¹³ Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911.

¹⁴ А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА 1958, 2, стр. 196; е е же. Золотой венец из кургана на р. Калитве. ИАИ, XXII, София, 1959.

¹⁵ T. Sulim irski. Scythowie na Zachodnem Podolu. Lwow, 1936.

¹⁶ Н. А. Онайко. Ук. соч.; В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1—4, М., 1967; В. А. Ильинская. Ук. соч.; Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ, 1967.

шим там довольно широкую полосу от Трансильвании до Словакии¹⁷.

Точно так же поступило население северо-восточного Прикарпатья и Молдавии. Оно, видимо, даже не пробовало сопротивляться, так как в его стране никаких укреплений интересующего нас времени не обнаружено¹⁸. На опустевших землях северо-восточного Прикарпатья, включая Молдавию, и Подолии оседлое население вновь появляется только в IV в. до н. э. В первой из этих областей это были геты¹⁹, а во второй среднеднепровские скифы. Исследованный мной курганный могильник у с. Периорки в 12 км выше г. Винницы по Бугу сходен с рядовыми среднеднепровскими и относится к указанному времени²⁰. Известное богатое погребение у с. Ильинцы на р. Соб с золотыми вещами греческого мастерства датируется второй половиной IV в. до н. э.²¹

В Среднем Поднепровье и городища и богатые погребения существовали непрерывно со времени своего появления в VI в. до н. э. до конца скифского периода. Замкнутая ограда исключительного по величине Бельского городища, находящегося на р. Ворскле в пограничье со степью, тянется более чем на 30 км и замыкает площадь в 4400 га²². Огромные царские курганы Посулья достигают 15-метровой высоты и окружены сотнями курганов меньшей величины, содержащими погребения вооруженных воинов. Это так называемые дружинные кладбища. Большинство курганов того и другого рода относится к VI в. до н. э.; в V в. до н. э. число тех и других сильно сокращается, хотя отдельные погребения и в это время и позже значительно выделяются количеством и ценностью своего инвентаря²³. Продолжают функционировать и семейные кладбища туземной аристократии, хорошим примером которых является курганный могильник у с. Журовки (ур. Криворуково) Черкасской области²⁴. Археологические памятники Среднего Поднепровья свидетельствуют, что в VI в. до н. э. там происходила консолидация населения и создавались организации для активной защиты от усилившейся военной опасности со стороны кочевых соседей. В V в. до н. э. и позже значение такого рода деятельности заметно уменьшилось, но укрепления продолжали функционировать, а цари-вожди, хотя и менее могущественные, чем раньше, сохраняли свое положение во главе туземных объединений.

Агрессия скифов царских была направлена не только на запад, не менее активно они действовали и против среднеднепровского земледельческого населения, и здесь им удалось достичь определенных результатов. Земледельческое население Среднего Поднепровья, чтобы избавиться от непрерывных нападений с их стороны, вынуждено было признать свою зависимость от скифов царских и выплачивать им регулярную дань в виде какой-то части своих доходов от торговли с греками. Взамен оно освобождалось от постоянной военной опасности и сохраняло внутреннюю организацию со своими царями-вождями во главе, которые, вероятно, и следили за выполнением возложенных на земледельцев скифами царскими обязанностей.

¹⁷ Г. И. Смирнова, К. В. Бернякович. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья. АС, 7, стр. 89 сл.; M. Parducz. Die Frage der ethnischen Verhältnisse der Skythenzeit und Skythisch-keltischen Beruhungen in Ungarn. Arch. Rozg. XXII/5, 1971.

¹⁸ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА, 64, 1958, стр. 76 сл.; она же. Исследования памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 144 сл.

¹⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени, стр. 145 сл.

²⁰ М. И. Артамонов. Некоторые итоги, стр. 86.

²¹ Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. СПб., 1902, стр. 139 сл.

²² Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 61 сл.

²³ В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 80.

²⁴ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках... в Чигиринском уезде. ИАК, 14. СПб., 1905, стр. 1 сл.

Ко времени Геродота, т. е. в третьей четверти V в. до н. э., скифы царские считали всех остальных скифов своими рабами (IV, 20), т. е. подвластными себе. Из этого можно заключить, что господствующее положение в Скифии они заняли до знакомства Геродота со скифами, но, судя по приведенным данным, едва ли задолго до этого. О том же свидетельствует и время распространения у скифов царских богатых погребений. Самый ранний из известных памятников этого рода представлен Острой Томаковской могилой с вещами, изготовленными специально для скифов в греческих, вероятно ольвийских, мастерских²⁵. Погребение это относится к концу VI — началу V в. до н. э. Того же типа вещи найдены в Среднем Поднепровье в кургане у хут. Шумейко²⁶, это немаловажно отметить, если иметь в виду, что греческое ремесло в это время было направлено на удовлетворение запросов не столько кочевой, сколько земледельческой скифской знати. Важно также подчеркнуть, что в отличие от специального погребального кургана в хут. Шумейко погребение в Острой Томаковской могиле было впущено в насыпь более древнего кургана эпохи бронзы. Только позже, в конце V — начале IV в. до н. э. у скифов царских появляются курганы, насыпанные под могилами знатных покойников. Это курганы у станции Михайлово-Апостолово²⁷ и многочисленные богатейшие курганы IV в. до н. э., затмившие своей величиной и богатством все, что известно раньше и в то же время не только у кочевых, но и у оседло-земледельческих скифов. Такие памятники, как Солоха, Чертомлык, Александропольский курган и др.²⁸, показывают, что наибольшего могущества и богатства скифские цари достигли только в IV в. до н. э. К этому времени и сложилось то Скифское царство, которое могло претендовать на завоевание фракийцев, вступить в борьбу с Македонией и разгромить полководца Александра Великого Зопириона.

В чем же заключался источник его могущества и богатства? Из предшествующего изложения следует, что главные доходы царь и аристократия скифов царских извлекали из контроля над торговлей греков с земледельческим населением страны, связанного не только с распоряжением путями этой торговли, но и с той или другой формой господства над производителями. Кочевники и сами принимали участие в торговле, доставляя грекам продукты скотоводства и рабов, но, принимая во внимание объем хлебной торговли Северного Причерноморья с Грецией и ту роль, которую в ней играла Ольвия, вполне вероятно полагать, что внеэкономические доходы скифов царских в виде поборов с подвластного населения во много раз превосходили то, что они получали взамен товаров, производимых в их собственных хозяйствах.

Еще в V в. до н. э. на Нижнем Днепре напротив г. Никополя возник торгово-ремесленный центр возле ставки скифского царя. Это Каменское городище²⁹, расположенное ниже порогов и поэтому беспрепятственно сообщавшееся по реке с Ольвией. Отсюда скифы царские отправляли продукты своего хозяйства в греческий город, сюда прибывали греческие купцы, здесь же жили ремесленники, обслуживавшие текущие потребности скифов в вещах обывденного пользования. Это была столица Скифии, откуда управлялось огромное Скифское царство. И хотя оно не было постоянным местопребыванием царя, по большей части кочевавшего по степи вместе со своим двором и отборным войском, здесь сосредоточивались его доходы и поблизости от города находилось царское кладбище.

Не может быть сомнения в том, что Скифия была царством с организованным аппаратом господства. Но какова же была социально-эконо-

²⁵ Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова, Прага, 1964, табл. 65, 66, рис. 19.

²⁶ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, III, Киев, 1900, табл. XIV.

²⁷ Сокровища скифских курганов, стр. 28.

²⁸ Там же, стр. 42 сл.

²⁹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954.

мическая основа этого царства, какой класс оно представляло и чьи интересы обеспечивало? На этот вопрос чаще всего отвечают весьма определенно: Скифия была рабовладельческим государством, таким же, каким были другие государства того же времени³⁰. Но так ли это? Рабовладельческое государство предполагает деление общества на два основных класса: рабовладельцев и рабов при наличии какой-то, не играющей существенной роли прослойки между ними, обычно в виде пауперизированного и паразитирующего демоса или плебса. Однако у нас нет никаких данных о существовании у скифов развитого рабовладения. Этому не благоприятствовал самый тип кочевого скотоводческого хозяйства у степного населения Скифии, в котором рабы могли применяться только для выполнения подсобных домашних работ. Покупных рабов у скифов нет — категорически заявляет Геродот (IV, 72). А это значит, что рабский труд не играл в производстве сколько-нибудь существенной роли. Кочевое скотоводческое хозяйство не нуждалось в применении рабского труда, так как оно, как правило, осуществлялось коллективно. Скифы кочевали не отдельными хозяйствами, а общинами из семейных хозяйств вместе передвигались по степи в подвижных домах на колесах — кибитках, сообща перегоняли животных с пастбища на пастбище и охраняли их от зверей и от врагов (IV, 46, 121). Труд рабов, да и то преимущественно женский, если и был нужен, то только для переработки продуктов скотоводства в хозяйствах с большим числом животных. Отсюда скифский обычай ослепления рабов, о котором сообщает Геродот (IV, 2). Для этой цели годился и слепой раб, но зато хозяин его был гарантирован от побега раба и угона доверенного ему имущества.

Не было условий для развития рабовладения и у земледельцев. Землевладение оставалось общинным, с ежегодными переделами между отдельными хозяйствами³¹. К тому же оно было переложным, связанным с общинным, а не рабским трудом. Когда исчерпывалась пригодная для возделывания земля в одном месте, поселки скифов переносились на другое. Именно поэтому следы поселений в большинстве случаев остаются слабо выраженными. Для накопления значительного культурного слоя они были слишком кратковременными.

В качестве доказательства развитого рабовладения у скифов указывают на засвидетельствованные Геродотом и обнаруженные археологическими раскопками сопровождающие знатного покойника погребения насильственно умерщвленных наложницы и слуг (IV, 71, 72). Но какие же это рабы! Это привилегированные слуги, воины с оружием и дорогими украшениями. Обычай требовал, чтобы они продолжали служить своему господину и после его смерти, разделяя его загробную жизнь так же, как пользовались преимуществами своего положения до его смерти. С таким же успехом можно счесть рабами сановников японского микадо, кончавших жизнь самоубийством посредством харакири в случае смерти своего повелителя. Конечно, для сопровождения в могилу скифского царя убивали не всех его слуг, а только небольшую часть. Слуги составляли не только двор царя, но и его дружину; вероятно, они использовались и для обеспечения производственных надобностей царского хозяйства и по своему положению в таком качестве могли сближаться с рабами. Но это, если не считать рабами всех подданных скифского царя, все же были не рабы и наличие их не доказывает существования рабовладельческого способа производства у скифов.

Древние писатели, а в их числе и Геродот, сохранили очень мало сведений о внутреннем строе скифов. Из их сообщений можно только извлечь, что у скифов были начальствующие и подчиненные, богатые и

³⁰ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.

³¹ М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, 95, сер. истор. н., 15. Л., 1947, стр. 3 сл.

бедные — владевшие несколькими повозками и большим числом голов скота и, как их называет Лукиан Самосатский, «восьминогие», т. е. обладавшие всего одной повозкой, запряженной парой быков (Скиф или гость, I). Основной единицей скифского общества была семья со своим хозяйством и имуществом. Земля находилась в общей собственности. У земледельцев она подвергалась ежегодным переделам, вероятно, только в возделываемой части, у кочевников земля, надо полагать, распределялась по зонам кочевания отдельных производственных общин. Собственность была личной и семейной. Первая из них в большей своей части шла вместе с умершим в могилу, а вторая находилась в общем семейном владении. Сыновья могли выделиться из семейного хозяйства и получить причитающуюся им часть семейного имущества (IV, 114, 115). Родство и наследование велось по отцовской линии. Практиковалось многоженство. Жены после смерти мужа переходили к его наследникам, как и другое имущество. Так, Скил после смерти своего отца получил одну из жен последнего, скифянку Опиу, от которой тот имел другого сына Орика (IV, 78). Семья несла коллективную ответственность за своих членов. Рассказывая о казни гадателей, Геродот сообщает, что умерщвлялись не только обвиненные, но и их мужское потомство. На женщин это не распространялось, они, как и другое имущество казненных, подлежали конфискации в пользу обвинителей (IV, 68, 69). Ссоры между родственниками или, скорее, соотечественниками (слово οἰχηῖον значит и то и другое) разрешались поединком под контролем царя (IV, 65), что исключало ничем не регулирующую кровную месть и упорядочивало общественные отношения.

В легенде о происхождении скифов у Геродота названо несколько родов, восходящих к общим предкам. Это авхаты, катиары, траспии и паралаты (IV, 6). Но это скорее всего были не роды, а племена. Паралатами назывались потомки Колаксия одной легенды о происхождении скифов, соответствующего Скифу другой легенды (IV, 5, 6, 8—10), в катиарах можно узнать агафирсов (акатиров), другое подразделение которых называлось траспиями. Это были потомки Липоксия — Агафирса. Потомков третьего из легендарных братьев — родоначальников Арпоксия — авхатов остается отождествить с потомством его двойника Гелона — гелонами, по Геродоту, поселившимся в стране будин, т. е. в среднеднепровском Левобережье, где ранняя скифская (чернолесская) культура перекрывает сходную с юхновской бондарихинскую культуру, видимо балтской принадлежности³². Принимаемые за племя упомянутые Геродотом алазоны, судя по их названию, означаящему по-гречески «хвастуны, шарлатаны», были какой-то частью скифов, жившей в междуречье Южного Буга и Днестра в нижнем их течении (IV, 17, 52) и получившей от греков презрительную кличку. Геродот в описании скифов пользуется не собственными именами их подразделений, а описательными наименованиями: скифы-номады, скифы-земледельцы, скифы-пахари, скифы-царские. Эти названия, хотя одно из них «царские» и соответствует туземному «саи», не могли быть именами отдельных племен, а означали совокупности, объединенные характером их хозяйственной деятельности или положением, занимаемым в стране. О племенах у скифов Геродот упоминает всего один раз в описании похорон скифского царя, тело которого перед погребением обвозилось по подчиненным областям (IV, 71), но это не значит, что племен не было или что они не играли никакой роли, а только то, что в условиях централизованного царства эта роль не могла быть значительной.

Основываясь на приведенных отрывочных данных, скифское общество следует считать патриархально-родовым. Однако обычные для этого типа

³² Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 13—49; В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 43 сл.

общественные порядки у них были соподчинены военной организации с ее иерархией властей, в одних случаях совпадающих с родо-племенными, а в других стоящих над ними. Геродот упоминает у скифов номархов (IV, 66), т. е. военных правителей областей, едва ли соответствующих племенным вождям и родовым старейшинам. Эти правители, надо полагать, назначались царем из его приближенных или зарекомендовавших себя верностью представителей родо-племенной аристократии. Последние, вероятно, именовались скриптухами. Знаком их достоинства был маленький топорик с головкой животного или птицы на обушке³³.

Скифы царские всех других скифов считали своими рабами, но это не значит, что все подвластные им скифы были действительно рабами. Эксплуатация подвластного скифам населения была основным источником обогащения господствующих скифов, и притом не только аристократии, так как она осуществлялась коллективно и выгодами ее пользовались, хотя и не в равной мере, не только царь и его окружение, но и рядовые воины. Внутри скифов царских не было оформившихся классов, существовавшая там эксплуатация была скрытой, замаскированной формами коллективного производства. Так же обстояло дело и у земледельцев. Внутри каждого из подразделений скифов господствовали порядки, свойственные военной демократии, хотя и с деспотической властью царя, отнюдь не противоречащей этим порядкам, так как эта власть была строго ограничена обычаями, нормы которого были обязательными и для самого царя. Нарушение их, как показывает история с царем Скилом, могло обернуться для царя самыми серьезными последствиями. За пренебрежение отеческими обычаями Скил был смещен, а затем казнен, но царем вместо него стал его брат из той же традиционной царской династии (IV, 79—80).

В скифском обществе эксплуатация развертывалась не внутри племен, а между ними. Одна часть — скифы царские властвовала над другими и эксплуатировала их в меру своих возможностей и того сопротивления, какое подвластные племена могли им оказать. Именно для поддержания этой системы угнетения и эксплуатации скифам царским нужно было сильное войско и абсолютная власть царя. Но созданная скифами царскими организация не была еще государством, хотя и имела основные его признаки.

Б. Н. Граков, считая Скифское царство рабовладельческим государством, приравнивает положение подвластных скифам царским других скифов к спартанским илотам (гелотам) и боспорским пелатам³⁴. К числу их можно было бы прибавить фессалийских пенестов и критских кларотов. Оставляя в стороне не вполне ясных по своему положению пелатов, сравнение илотов с подчиненными скифами вполне правомерно. И те и другие попали в зависимое состояние в результате завоевания. Но и илоты и еще меньше подвластные господствующим скифам остальные скифы не были рабами в собственном значении этого понятия. Они не находились в частной собственности, их нельзя было ни продать, ни убить, ни освободить, они владели своими хозяйствами и облагались установленным властью натуральным налогом или оброком. В отличие от илотов, прикрепленных к земле и находившихся во владении отдельных спартиатов, скифские «рабы» сохраняли свою самостоятельность во внутреннем управлении, у них оставалась своя родо-племенная аристократия, которая, вероятно, и обеспечивала выполнение обязанностей, возложенных победителями на побежденных. Все это нисколько не похоже на рабство и не может служить доводом в пользу рабовладельческого строя у скифов.

³³ В. А. Ильинская. Культурные жезлы скифского и предскифского времени. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 206 сл.

³⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 22 сл.

В марксистско-ленинском понимании государством называется организация господства одного класса над другим с обязательным существованием соответствующего этой цели аппарата принуждения³⁵. Скифское царство располагало таким аппаратом, обеспечивающим господство одной части скифов над другой. Но та и другая части — господствующая и подчиненная не являлись классами с различным отношением к средствам производства. В классовом обществе господствующий класс владеет средствами производства, а эксплуатируемый полностью или частично их лишен. В скифском же обществе средства производства оставались в руках производителей, хотя обеспеченность ими была различной. Принципиальной разницы в отношении к собственности, однако, не существовало ни между господствующими и подчиненными, ни между богатыми и бедными. Рабы в качестве средств производства еще не представляли такой величины, которая могла бы сказаться на характере социальных отношений. Рабовладельцы и рабы еще не составляли противостоящих классов и еще не было надобности в специальных средствах подчинения вторых первым. О скифском рабовладельческом строе можно говорить только как о зачаточном, существенно не отличающемся от патриархального рабства, сливающегося с семейными отношениями. Скифское царство обеспечивало власть не одного класса над другим, а одного племени над другими. В этом заключалась его главная функция, и на это была направлена его организация.

Скифское царство не было государством в марксистско-ленинском понимании этого термина. Это была одна из форм военной демократии, стоящая на грани превращения в государство. Уже в самом названии военной демократии заключаются ее характерные признаки. Входившие в состав Скифского царства племена сохраняли демократический строй, поскольку царь или вождь с его дружиной еще не противостоял вооруженному народу, но оно же было и военным, так как война стала для них обычной функцией, своего рода производством (промыслом)³⁶. Созданное в порядке завоевания Скифское царство представляло собой результат военной деятельности одного из подразделений скифов, не изменившего социальную природу ни завоевателей, ни завоеванных и существовавшее лишь постольку, поскольку сохранялось военное превосходство одних над другими.

Из сказанного отнюдь не следует, что в Скифском царстве не происходило никаких социальных изменений. Они были, но с особой силой проявились только в позднейшее время, когда под ударами со стороны сарматов Скифское царство лишилось большей части своих владений, сильно сократилось в размерах и стало вместо эксплуатации подвластных племен развивать эксплуатацию соплеменников и рабов. Но это новый период в истории скифов, известный под названием Скифского царства в Крыму³⁷, подлежащий специальному рассмотрению.

M. I. Artamonov

LE ROYAUME DE SCYTHES

Résumé

Chassés de l'Asie Mineure par les Mèdes vers l'an 585 avant notre ère les Scythes firent partie de la population nomade des régions attenantes à la Mer Noire du côté-nord. Ils portèrent le nom des «Scythes royaux». Habitués à assujettir d'autres peuples lors de leur demeure en Asie, ces Scythes s'efforcèrent d'occuper la même situation

³⁵ В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., том. 25, М., 1953, стр. 358 сл.

³⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 21, М., 1961, стр. 164.

³⁷ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, 8, стр. 56 сл.

dans leur nouveau pays d'habitation. Ils soumièrent les Scythes nomades, population autochtone des steppes; par leurs invasions ils éloignèrent au-delà des Carpates les habitants de la Podolie et du nord-est des Pré-Carpates qu'ils n'avaient pas réussis à asservir et subjuguèrent les Scythes laboureurs peuplant les régions du cours moyen du Dniéper. Cette position dominante permit aux Scythes royaux de mettre main sur les profits rapportés par le commerce du blé qui se développait, depuis le VIe siècle avant notre ère, avec les villes grecques. Ils acquirent ainsi d'une source principale de leur richesse. Du point de vue d'archéologie cela se révèle dans un mobilier extrêmement riche et abondant provenant des sépultures des aristocrates scythes du Ve et surtout du IVe siècles avant notre ère.

Le royaume de Scythes né à la base des guerres ne modifia de nature sociale ni des conquérants ni des vaincus. Les uns et les autres gardèrent leurs structures sociales qui n'étaient pas encore divisées en classes où les rapports aux moyens de production ne changèrent pas, l'importance du travail d'esclaves resta insuffisante dans le cadre de l'économie familiale patriarcale et le régime était toujours d'un caractère militaire et démocratique. Un pouvoir despotique du roi et une organisation militaire de la société n'entraient pas en divergence avec ce régime car ils étaient nécessaires non pas pour maintenir la domination d'une classe sur une autre mais pour assurer la prédominance d'une tribu sur une autre ainsi que pour garantir quelque indépendance à la population assujettie. Le royaume de Scythes n'était pas un Etat au sens marxiste-léniniste de ce terme mais c'était déjà une base pour sa formation.